

18+

Яна Дубова

Ошибка в прогнозе

Яна Дубова

Ошибка в прогнозе

«Издательские решения»

Дубова Я.

Ошибка в прогнозе / Я. Дубова — «Издательские решения»,

Лена привыкла всё просчитывать и откладывать важные решения до тех пор, пока не станет понятнее. Но однажды в её медицинских документах появляется заключение, после которого «потом» может не наступить.

За несколько дней она успевает изменить работу, отношения и планы близких.

А затем выясняется: произошла ошибка. Хорошая новость? Безусловно.

Только принятые решения уже не отменить. «Ошибка в прогнозе» — роман о жизни, которую невозможно просчитать заранее.

© Дубова Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. До понедельника	6
Глава 2. Ничего срочного	9
Глава 3. Запасной вариант	12
Глава 4. Документ	15
Глава 5. Два дня	18
Глава 6. Мамины коробки	22
Глава 7. Человек на случай аварии	27
Глава 8. Не ваше	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ошибка в прогнозе

Яна Дубова

© Яна Дубова, 2026

ISBN 978-5-0071-3018-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. До понедельника

В пятницу вечером офис начинал понемногу возвращать себе первоначальное назначение — быть помещением, а не образом жизни. В переговорных гасли экраны, из кухни исчезали чужие контейнеры, люди один за другим закрывали ноутбуки с тем особенным выражением лица, с каким пассажиры выходят из самолёта после долгой задержки: вроде бы ничего героического не произошло, но выжили.

Лена сидела у окна и смотрела на таблицу, в которой красным светились три ячейки. Красный цвет был условным: ничего не горело, никто не погибал, грузовики продолжали ездить, склады — принимать товар. Просто модель считала, что на двух распределительных центрах компания недооценивает вероятность срыва поставок. Лена любила такие вещи. Риск, в отличие от человека, хотя бы соглашался быть выраженным числом.

— Ты домой вообще собираешься? — спросила Рита, просовывая голову между дверью и косяком. На ней уже было пальто, а в руке — бумажный стакан, который она зачем-то уносила из офиса пустым.

— Я дома была вчера.

— Отлично. Значит, лимит на неделю выполнен.

Лена усмехнулась и снова посмотрела на экран. Рита задержалась на секунду дольше, чем требовала шутка.

— Слышала про понедельник?

— Про то, что он наступит? Слухи ходят.

— Про проект.

Вот теперь Лена оторвалась от таблицы. В понедельник директор направления собирался назвать человека, который поведёт новую модель оценки рисков для всей сети распределительных центров. Формально кандидатов было несколько. Неформально последние два месяца Лена жила так, будто кандидат один, а остальные нужны корпоративной культуре для приличия.

— Слышала, — сказала она.

— Ну тогда до понедельника.

Рита улыбнулась совершенно нормально, и именно поэтому Лене захотелось ещё раз открыть презентацию и проверить слайд с чувствительностью модели. Она подождала, пока шаги стихнут в коридоре, и всё-таки открыла.

Телефон завибрировал рядом с клавиатурой. «Ты сегодня существуешь вне Excel?» — написал Кирилл.

Лена посмотрела на время. Они договаривались встретиться в восемь. Было без семи восемь, а до его дома — двадцать минут, если город внезапно решит стать добрее к автомобилистам. Екатеринбург такого обещания не давал.

«Уже выхожу», — написала она и ещё семь минут проверяла формулу.

У Кирилла пахло жареным луком и чем-то острым. Он открыл дверь в домашних штанах и футболке, на которой когда-то был напечатан чертёж, но после множества стирок инженерная мысль почти исчезла.

— Я не опоздала, — сказала Лена, снимая ботинки. — Я пришла позже.

— Это многое меняет.

— Юридически — почти всё.

Он поцеловал её в висок и забрал сумку. На кухне стояла сковорода с лапшой, две тарелки и бутылка вина, которую они открыли ещё неделю назад. Кирилл понюхал пробку, подумал и убрал бутылку обратно.

— Не рискнул? — спросила Лена.

— Я живу с аналитиком рисков. Это деформирует личность.

— Ты со мной не живёшь.

Фраза вышла легче, чем прозвучала. Кирилл поставил стакан на стол и сел напротив.

— Вот об этом я и хотел поговорить.

Лена мысленно увидела свои три красные ячейки. Иногда организм обладал отвратительным чувством юмора: стоило разговору стать неприятным, как внутри сразу появлялась таблица, в которую его хотелось разложить.

— Кирилл, только не сегодня. У меня в понедельник решение по проекту. Я сейчас вообще не человек, я приложение к презентации.

— Я заметил. Но я не прошу сегодня выбрать обои в детскую.

— Слава богу.

— И не прошу назначить дату свадьбы. Я даже не уверен, что хочу свадьбу с салфетками, ведущим и человеком, который заставляет родственников изображать поезд.

Лена засмеялась. Кирилл тоже, но быстро перестал.

— Я хочу понять одну вещь. Ты вообще видишь нас дальше? Не квартиру конкретно, не штамп, не детей к четвергу. Просто — дальше.

Она потянулась к вилке, хотя есть ещё не начала.

— Конечно вижу.

— Где?

— В смысле?

— В обычном. В каком-нибудь следующем году. Мы всё ещё ездим друг к другу с зарядками и зубными щётками? Или однажды перестаём делать вид, что это очень удобная схема?

Лена почувствовала раздражение, почти благодарно. С раздражением было проще: у него имелся адресат.

— Почему это нужно решить именно сейчас? У нас всё нормально.

— Я не сказал, что ненормально.

— Тогда что случилось?

Кирилл провёл ладонью по столу, собирая невидимые крошки.

— Ничего. В этом и проблема. У нас ничего не случается уже довольно давно.

Она хотела возразить: в июле они ездили на озеро, в августе выбирали ему новый диван, две недели назад полночи спорили, можно ли считать сырники ужином. Жизнь случалась постоянно. Просто Кирилл, очевидно, говорил не об этом.

— Давай вернёмся к этому после понедельника, — сказала Лена. — Я правда сейчас не вывезу ещё один большой вопрос.

— А после понедельника что изменится?

— Я буду знать про проект.

— И?

— И у меня освободится голова.

Кирилл посмотрел на неё так внимательно, что Лена вдруг вспомнила: почти теми же словами она отвечала весной. Только тогда надо было закончить квартальный отчёт. До него была поездка Тамары к стоматологу, потом отпуск Кирилла, потом какой-то совершенно убедительный вторник, причины которого Лена уже не помнила.

— Хорошо, — сказал он. — После понедельника.

Он не спорил, и это почему-то оказалось неприятнее спора.

Они поели. Потом смотрели половину фильма, который оба уже видели и оба плохо помнили. Кирилл заснул раньше титров, положив ладонь Лене на колено. Она сидела неподвижно, чтобы не разбудить его, и листала рабочую почту на телефоне.

В 23:41 пришло письмо от директора направления: «В понедельник в 10:00 — финальная встреча по проекту. Прошу быть готовыми обсудить распределение ролей».

Лена перечитала его дважды. «Распределение ролей» ей не понравилось. Если решение очевидно, роли не распределяют — их объявляют.

Она осторожно сняла с колена руку Кирилла и пошла на кухню за водой. На холодильнике висел магнит с видом Байкала. Его привезла Тамара и прошлой зимой сказала, что им с Леной надо бы наконец съездить туда вместе. Лена тогда открыла календарь, посмотрела цены на билеты, выбрала две хорошие гостиницы и закрыла вкладки. Весной было дорого. Летом — работа. Осенью мать сказала: «Ну, когда-нибудь». Лена ответила: «Конечно».

Телефон снова завибрировал. На этот раз напоминание: завтра в 11:30 — клиника.

Лена нахмурилась, пытаясь вспомнить, зачем поставила его так настойчиво, с двумя уведомлениями. Потом вспомнила. Ничего серьёзного: несколько дней назад она нащупала небольшое уплотнение, испугалась ровно на двадцать минут, записалась к врачу и почти сразу перестала об этом думать. Врач после осмотра отправила её на уточняющее обследование. Обычная взрослая скука: анализы, стоматологи, страховки, пароли, которые пора менять.

Она выключила напоминание и вернулась в комнату. Кирилл спал, подложив руку под щеку. Лена легла рядом и подумала, что во вторник они спокойно поговорят. В понедельник решится проект, в субботу она разберётся с обследованием, а потом всё станет чуть понятнее.

Это казалось не отсрочкой. Просто нормальным порядком вещей.

Глава 2. Ничего срочного

В субботу утром клиника выглядела так, будто здоровье здесь выдавали по талонам вместе с бахилами. У стойки регистрации мужчина спорил о времени записи, ребёнок в жёлтой куртке методично нажимал кнопку кулера, а женщина рядом с Леной заполняла анкету, прижав лист к стене. На стене это получалось убедительнее, чем на колене, но ненамного.

Лена пришла за двенадцать минут до назначенного времени и успела пожалеть об этом на третьей. Она терпеть не могла ожидание без понятной функции. В аэропорту хотя бы можно смотреть на табло. Здесь табло показывало номер кабинета и фамилию врача, а будущее по-прежнему приходилось организовывать самостоятельно.

Она открыла рабочую почту. В папке «Проект» лежало письмо от Риты, отправленное в 8:17: «Я посмотрела расчёты по северному плечу. Там, кажется, можно упростить сценарии. Если хочешь, до понедельника соберу альтернативу».

Лена прочитала письмо дважды. Само по себе предложение было хорошим. Настолько хорошим, что хотелось немедленно найти в нём подвох.

«Спасибо, не надо. Я сегодня закончу», — написала она.

Потом стёрла «не надо» и заменила на «я возьму на себя». Получилось вежливее и почему-то ещё территориальнее.

— Воронцова Елена? — позвали из коридора.

Она убрала телефон.

Врач оказалась женщиной лет сорока с небольшим, с короткими волосами и привычкой сначала смотреть на экран, а потом на человека — не из равнодушия, а потому что экран требовал подтверждения личности.

— Напомните, что вас беспокоит.

Лена повторила историю про небольшое уплотнение, которое заметила несколько дней назад. Пока рассказывала, оно снова стало казаться ей почти неловкой причиной для субботнего утра. Не болит. Не растёт — по крайней мере, она не могла утверждать обратного. Вообще неизвестно, было ли оно там раньше.

Врач задавала обычные вопросы, записывала ответы и не делала лица, по которому можно было бы тайком прочитать диагноз. Это Лене понравилось.

После осмотра и исследования разговор занял меньше времени, чем дорога сюда.

— Ничего, что требовало бы паники прямо сейчас, я не вижу, — сказала врач. — Но это нужно нормально уточнить. Я оформлю дальнейшее обследование, и по результатам уже будет понятно, что делать.

— То есть это может быть что угодно?

— Сейчас у нас просто недостаточно данных.

Фраза была профессионально безупречной и совершенно невыносимой.

— А вероятность?

Врач посмотрела на неё поверх монитора.

— Вероятность чего именно?

Лена поняла, что вопрос и правда плохой. Ей захотелось объяснить, что она умеет работать с неопределённостью, просто предпочитает, чтобы та приходила в виде диапазона и доверительного интервала.

— Ничего. Поняла.

— Если появятся результаты в электронном виде раньше следующего приёма, не пытайтесь делать выводы по отдельным словам. Лучше обсудить их с врачом.

— Вы всем это говорите?

— Тем, кто задаёт вопрос про вероятность на второй минуте разговора, — иногда.

Лена улыбнулась. Вот это уже было почти оскорбительно, а значит, по-человечески.

На улице было холоднее, чем обещало приложение. Лена застегнула пальто и сразу открыла календарь. Дополнительное обследование удавалось поставить на следующую неделю. Понедельник оставался свободным, если не считать встречи в десять, после которой, по её внутренней версии событий, многое должно было стать проще.

Телефон зазвонил. Тамара.

— Ты где?

— В городе.

— Очень информативно. Я тоже, представляешь.

— Мам, что случилось?

— Ничего не случилось. Поэтому и звоню. Если бы случилось, ты бы хотя бы взяла трубку с первого раза.

Лена остановилась у перехода. Светофор показывал семьдесят восемь секунд до зелёного — редкая городская честность.

— Ты вчера говорила, что хочешь что-то обсудить.

— Говорила. Приезжай сегодня. Я пирог сделала.

— Какой?

— Это принципиально?

— Если с капустой, у меня совещание.

— С яблоками.

— Тогда сложнее.

Тамара засмеялась.

— Лен, серьёзно. Приезжай. Не на пять минут.

Лена посмотрела на почту. Рита уже ответила: «Окей. Если передумаешь — я на связи». Ни смайлика, ни скрытой агрессии, ни даже ошибки в пунктуации, за которую можно было бы зацепиться.

— Мам, давай завтра? У меня в понедельник очень важная встреча, мне надо сегодня всё добить.

На том конце повисла короткая пауза.

— Завтра я занята.

— Тогда на неделе.

— На неделе ты работаешь.

— Я не круглосуточно работаю.

— Конечно. Ты ещё иногда спишь.

Лена закатила глаза, хотя мать этого не видела.

— Давай во вторник вечером. Я приеду.

— Хорошо. Во вторник так во вторник.

Тамара сказала это без обиды. По крайней мере, Лена её не услышала.

Загорелся зелёный. Она перешла улицу вместе с толпой, зашла в кофейню и устроилась у окна с ноутбуком. Суббота постепенно наполняла центр людьми, которым не требовалось выбирать лидера проекта. Они гуляли с собаками, тащили пакеты, спорили с детьми, фотографировали кофе. Лена ненадолго позавидовала их очевидным задачам.

Через час она нашла ошибку в одном из собственных расчётов. Небольшую, неопасную, но неприятную. Исправила её, пересчитала модель и только после этого поняла, что Рита в письме намекала именно на это место.

Лена открыла их переписку.

«Ты про коэффициент сезонности?» — написала она.

Ответ пришёл почти сразу.

«В том числе. Я не хотела лезть, если ты уже закрыла модель».

Лена почувствовала знакомый укол: одновременно благодарность и раздражение от того, что другой человек заметил то, что должна была заметить она.

«Скинь альтернативу», — написала Лена.

Три точки появились внизу экрана, исчезли, появились снова.

«Скину вечером».

Лена закрыла ноутбук. Это было разумно. Нормально. Командная работа вообще-то именно так и выглядела, если убрать из корпоративных презентаций людей, которые держатся за руки вокруг нарисованной лампочки.

Она допила остывший кофе и пошла домой.

В лифте снова завибрировал телефон. На этот раз пришло уведомление из медицинского сервиса: направление оформлено, информация появится в личном кабинете.

Лена мельком прочитала сообщение и убрала телефон в карман. До понедельника оставалось меньше двух суток. Медициной можно было заняться после.

Глава 3. Запасной вариант

В воскресенье Лена проснулась от того, что Кирилл пытался закрыть окно, не вставая с кровати. Он вытянул руку, промахнулся, выругался шёпотом и всё-таки поднялся.

— Технологии, — сказала Лена из-под одеяла. — Человечество придумало дистанционное управление телевизором, но до окна не дошло.

— Я инженер. Не провоцируй меня.

Он вернулся с кухни с двумя кружками кофе. Утро было серым и совершенно свободным, что само по себе казалось подозрительным. Презентацию Лена закончила ночью, альтернативные расчёты Риты встроила, одну диаграмму переделала и теперь впервые за неделю не могла придумать убедительную причину открыть ноутбук.

Кирилл поставил кружку на тумбочку.

— У меня тоже есть презентация.

— В воскресенье?

— Без слайдов.

Лена села. По его голосу она поняла, что разговор подготовлен заранее, и сразу почувствовала себя человеком, которого пригласили на встречу без повестки.

— Мне предложили Казань.

— В смысле?

— Проект. Полтора года. Руководить инженерной командой на запуске нового объекта.

Лена взяла кофе, хотя он был слишком горячим.

— А здесь?

— Здесь будет другой руководитель. Если соглашусь.

— И ты хочешь?

Кирилл не ответил сразу. Это раздражало: когда человек молчит перед ответом, возникает ощущение, будто он выбирает формулировку, которая переживёт судебную экспертизу.

— Да, — сказал он. — Наверное, хочу.

— «Наверное» — удобное слово.

— Ты специалист.

Лена поставила кружку обратно.

— Когда ты узнал?

— В четверг.

— И молчал?

— Хотел сначала понять, есть ли что обсуждать.

— То есть наш разговор в пятницу был не просто разговором.

— Он и без Казани был не просто разговором.

— Но ты уже знал, что можешь уехать.

— Могу. Не обязан.

Лена встала и пошла на кухню. Там было проще разговаривать: можно открыть холодильник, переставить банку, обнаружить, что молоко закончилось, — взрослые люди придумали множество прекрасных способов не смотреть друг на друга.

Кирилл пришёл следом.

— Мне нужно ответить в среду.

Она обернулась.

— В эту среду?

— Обычно, когда говорят «в среду», имеют в виду ближайшую.

— Спасибо, очень помог.

— Лен.

— Что? У меня завтра решается проект. Ты хочешь, чтобы я сейчас ещё решила, переезжаем ли мы вместе в Казань?

— Нет.

— Тогда что ты хочешь?

— Чтобы ты перестала отвечать на вопрос, которого я не задавал.

Это было нечестно хотя бы потому, что вопрос, которого он не задавал, был значительно проще.

Кирилл сел за стол.

— Я не прошу тебя ехать. И не прошу меня удерживать. Я пытаюсь понять, есть ли у нас вообще что-то, что должно участвовать в моём решении.

— Конечно есть.

— Что?

— Мы.

— Это существительное.

Лена рассмеялась коротко и зло.

— Ты специально сегодня решил быть невыносимым?

— Нет, у меня график по вторникам.

Несколько секунд они оба молчали. Потом Кирилл вздохнул.

— Я четыре года слышу, что сейчас не время что-то менять. Я не обвиняю тебя. Мне тоже было удобно. У меня своя квартира, у тебя своя, никто не спорит, кто покупает стиральный порошок и почему в ванной шесть почти пустых шампуней. Но если я откажусь от Казани, я хочу понимать, ради чего. Не в высоком смысле. В обычном.

Лена прислонилась к столешнице.

— Завтра всё решится с проектом. Дай мне хотя бы до завтра.

— Мой ответ от этого не станет позже.

— До среды ещё два дня.

— Вот именно.

Она услышала в его голосе не угрозу, а усталость. Это оказалось хуже. Угрозе можно сопротивляться, усталость уже что-то прожила без тебя.

— Хорошо, — сказала Лена. — Завтра после работы поговорим.

— Поговорим.

— И ты пока ничего не отвечаешь?

Кирилл посмотрел на неё.

— Я не обещал.

Лена хотела сказать, что так не делается. Что если разговор касается двоих, нельзя принимать решение одному. Но тут же поняла, что ровно это Кирилл пытался объяснить ей второй день: его решение касалось не только их.

Она вернулась в комнату и всё-таки открыла ноутбук.

— Серьёзно? — спросил Кирилл из кухни.

— Я только письмо проверю.

— Конечно.

В почте лежала новая версия расчётов от Риты и короткая записка: «Посмотри третий сценарий. Мне кажется, он устойчивее твоего базового».

Лена открыла файл. Третий сценарий действительно был хорош. Не лучше целиком, но в одном месте Рита нашла решение, до которого Лена не дошла.

Она написала: «Добавлю в приложение. На встрече скажем, что вариант твой».

Рита ответила через минуту: «Ого. Зафиксирую дату».

Лена фыркнула.

— Что? — крикнул Кирилл.

— Ничего. Меня обвиняют в человеческом поведении.

— Не признавайся без адвоката.

К обеду они перестали ссориться, но разговор никуда не исчез. Он просто пересел вместе с ними в машину, прошёл по супермаркету между отделами с крупами и бытовой химией, вернулся домой в пакете с продуктами.

Вечером Лена уехала к себе. Кирилл не предложил остаться, а она не спросила.

Дома было слишком тихо. На столе лежала распечатанная презентация, которую она зачем-то сделала ещё в четверг, хотя в переговорной всё равно будет экран. Лена пролистала страницы, поправила одну запятую и положила их обратно.

В 22:16 Тамара прислала фотографию пирога. От него остался один кусок.

«Твой», — подписала она.

Лена ответила сердечком и поставила напоминание: «Вторник, мама».

Потом добавила второе: «Понедельник, Кирилл».

Словно разговор с человеком становился надёжнее, если приложение обещало о нём напомнить.

Она уже собиралась поставить телефон на зарядку, когда на экране появилось ещё одно уведомление.

«В личном кабинете доступен новый медицинский документ».

Лена посмотрела на строку несколько секунд. Вчера врач говорила, что результаты могут появляться в электронном виде. Она даже предупредила не делать выводов по отдельным словам.

Лена нажала на уведомление.

Документ загрузился не сразу. На экране вращался маленький круг, и это почему-то раздражало сильнее обычного.

Потом открылся файл.

Лена увидела своё имя в интерфейсе личного кабинета, дату, название исследования и несколько строк мелкого текста.

Она увеличила страницу двумя пальцами.

Первое незнакомое слово она пропустила.

На втором задержалась.

Третье прочитала ещё раз.

А потом вернулась в начало документа.

Глава 4. Документ

Лена вернулась к началу не потому, что не поняла текст. Наоборот. Несколько слов она поняла слишком хорошо.

В верхней части страницы стояло название исследования. Ниже шли строки, написанные тем особым языком, в котором существительные как будто не нуждались в людях: материал получен, фрагменты представлены, признаки выявлены. Лена читала медленно, стараясь не перескакивать глазами вперёд.

Потом дошла до слов «инвазивная карцинома».

Она знала второе слово. Первое открыла в поиске.

Телефон предложил десятки ссылок ещё до того, как Лена допечатала запрос. Она выбрала не форум и не рекламу клиники, а медицинскую страницу, потом другую. Прочитала определение. Вернулась к документу. Снова открыла поиск.

Через десять минут на столе стоял ноутбук.

Это было уже почти рабочее место: телефон справа, вода слева, браузер, отдельный документ для заметок. Лена записала название исследования, незнакомые термины и вопросы. «Что означает инвазивная». «Что можно понять по биопсии». «Стадия». «Прогноз». Последнее слово она стёрла, потом написала снова.

Врач вчера сказала не делать выводов по отдельным словам.

Но слова были не отдельными. Они стояли рядом, в официальном документе, который открылся из её личного кабинета после её обследования. Именно для таких вещей и существовали документы: чтобы превращать смутное в зафиксированное.

Лена проверила фамилию врача. Имя ей ничего не сказало. Название медицинской организации было знакомым, хотя подразделение она не запомнила. Дата казалась правдоподобной. Она попыталась найти номер исследования среди вчерашних бумаг, но в папке были только направление и чек.

В 22:31 она позвонила в клинику.

Автоматический голос сообщил режим работы и предложил оставить обращение.

Лена оставила.

Через минуту позвонила снова, как будто за это время клиника могла пересмотреть своё отношение к воскресному вечеру.

Голос оказался тем же.

Она открыла чат поддержки в приложении. Там сначала появился бот.

«Опишите ваш вопрос», — предложил он.

Лена написала: «В личном кабинете появился результат исследования. Мне нужно срочно уточнить, действительно ли он относится ко мне».

Бот подумал и предложил выбрать тему обращения.

— Прекрасно, — сказала Лена вслух.

Она выбрала «Результаты исследований».

«Если результаты ещё не отображаются, дождитесь обновления информации».

Лена посмотрела на сообщение.

— Они отображаются. В этом, собственно, и сюжет.

Квартира молчала.

Она отправила запрос оператору и получила обещание ответа в рабочее время.

На часах было 22:44.

До рабочего времени оставалась целая ночь, а до завтрашней встречи по проекту — чуть больше одиннадцати часов.

Лена снова открыла документ.

Она пыталась читать его так, как читала отчёты: отделять факт от интерпретации. Факт: в её кабинете есть заключение. Факт: в нём написано то, что написано. Факт: врач накануне говорила о необходимости уточнения, но не говорила ничего похожего на диагноз.

Интерпретация: это её диагноз.

Она поставила рядом с этой строкой вопросительный знак.

Получилось нелепо. Будто вопросительный знак мог снизить вероятность.

Лена удалила заметку целиком.

Она позвонила Кириллу.

Гудок.

Второй.

На третьем она сбросила.

Почти сразу он написал: «Ты звонила?»

Лена смотрела на экран.

«Случайно», — ответила она.

Кирилл прислал вопросительный знак.

Она положила телефон экраном вниз.

Через несколько минут пришло ещё одно сообщение: «Всё нормально?»

Лена написала «да».

Не отправила.

Написала: «Не знаю».

Тоже не отправила.

В конце концов закрыла переписку.

Ей нужно было сначала понять. Если документ ошибочный, звонок превратит несколько страшных строк в событие, которое придётся потом отменять ещё и в чужой голове. Если документ настоящий — она хотела хотя бы пять минут побыть человеком, который знает о себе больше остальных.

Она пошла в ванную и встала перед зеркалом.

Под футболкой ничего не изменилось. Это почему-то возмутило. Лена осторожно провела пальцами по тому месту, из-за которого записалась к врачу. Небольшое уплотнение было там же. Она не могла понять, стало ли оно больше, твёрже, страшнее или просто теперь у него появилось название, которое мозг немедленно приклеил сверху.

Она одёрнула футболку.

В интернете были истории людей, которые ничего не чувствовали. Были истории тех, кто чувствовал. Были таблицы, проценты, схемы лечения, фотографии, статьи с бодрыми заголовками и статьи, после которых хотелось закрыть браузер навсегда.

Лена закрыла.

Через четыре минуты открыла снова.

В 00:07 Кирилл написал: «Я не верю в случайный звонок. Если что-то случилось, скажи».

Лена не ответила.

Она вдруг вспомнила завтрашнюю встречу. В десять утра директор направления скажет, кому отдаёт проект. Ещё вечером это казалось событием, вокруг которого собрана неделя. Теперь презентация лежала на столе пачкой бумаги, и Лена не могла заставить себя почувствовать к ней ничего.

Потом почувствовала злость.

Почему, собственно, она уже отдала проект какому-то слову из файла? Никто ей ничего не сказал. Врач не звонила. Клиника не подтверждала. Может быть, она неправильно прочитала. Может быть, заключение предварительное. Может быть, существовало ещё двадцать объяснений, которых она не знала.

Лена открыла календарь и посмотрела понедельник.

10:00 — финальная встреча.

18:30 — «Кирилл».

Во вторник — «мама».

В среду у Кирилла заканчивался срок ответа по Казани.

Неделя выглядела издевательски обычной.

Она поставила будильник на 6:30. Потом на 6:15. Потом решила, что это уже истерика, и вернула 6:30.

Легла.

В 00:38 встала за водой.

В 01:12 проверила, не ответила ли клиника.

В 01:47 снова открыла документ.

На этот раз она заметила строку, которую раньше пропустила. Там были инициалы, цифры и сокращения. Что-то не совпадало с тем, что она помнила о своём обследовании, но Лена не могла понять, что именно. Она нашла направление, сравнила номера. Форматы были разными.

Сердце ускорилось — не от страха, а от надежды, и Лена почти рассердилась на себя за эту поспешность.

Ошибка.

Слово появилось первым.

Она ухватила за него так быстро, что сама себе не поверила.

Лена снова прошла по документу сверху вниз. Её личный кабинет. Её недавнее обследование. Медицинская организация. Дата. Заключение.

И какие-то цифры, которые она не умела читать.

Она сделала скриншоты всех страниц.

Потом сохранила файл отдельно.

Потом отправила его самой себе на почту.

Только после этого поняла, что ведёт себя так, словно документ может исчезнуть и вместе с ним исчезнет возможность доказать, что всё это было.

В 02:16 она снова взяла телефон.

Открыла Кирилла.

Написала: «Ты не спишь?»

Палец завис над кнопкой отправки.

Лена представила, как он проснётся, увидит сообщение, позвонит. Придётся произнести вслух слова из заключения. После этого они уже будут существовать не только на экране.

Она стёрла сообщение.

Утром, решила Лена. Сначала клиника.

Она положила телефон рядом с подушкой и выключила свет.

Через несколько секунд снова включила.

Документ лежал там же.

Глава 5. Два дня

В понедельник Лена приехала в офис раньше уборщицы на их этаже и позже человека, которым считала себя ещё вчера.

Она почти не спала. В шесть тридцать будильник прозвенел в уже освещённой комнате: Лена лежала на спине и смотрела в потолок, потому что в пять сорок восемь решила больше не открывать медицинский документ. Решение продержалось двадцать три минуты.

Клиника ответила на обращение в 8:06. Сообщение было вежливым и бесполезным: запрос передан ответственному специалисту, для уточнения результата необходимо дождаться обратной связи. Лена позвонила по номеру из сообщения. Девушка в кол-центре нашла обращение, попросила назвать дату рождения и сказала, что медицинские документы по телефону не комментируют.

— Мне не нужно комментировать, — сказала Лена. — Мне нужно понять, мой ли это документ.

— Я понимаю вас. Обращение уже передано.

— Когда мне ответят?

— Точный срок я, к сожалению, назвать не могу.

Лена закрыла глаза.

— Завтра?

— Я не могу обещать.

Она поблагодарила девушку. Это стоило некоторых усилий, и Лена записала усилие на счёт собственного воспитания.

В 9:20 начали приходить люди. Кто-то принёс кофе, кто-то жаловался на пробки, кто-то рассказывал, что ребёнок в воскресенье засунул пластилин в зарядный разъём планшета. Офис жил с вызывающей уверенностью в продолжении.

Рита появилась без пяти десять, положила ноутбук на стол и сразу подошла к Лене.

— Ты видела мою последнюю версию?

— Видела.

— Третий сценарий оставляем?

— Да.

Рита посмотрела внимательнее.

— Ты нормально?

— Не выпалась.

— А. Тогда ты сегодня просто похожа на всех нас.

Лена улыбнулась. Рита ушла подключаться к встрече, и на секунду захотелось позвать её обратно. Не рассказать — просто попросить посидеть рядом. Мысль была настолько чужой, что Лена сразу занялась кабелем от ноутбука.

В десять они вошли в большую переговорную. На экране уже висел первый слайд: «Модель интегрированного управления операционными рисками. Горизонт внедрения: 12 месяцев».

Двенадцать месяцев.

Лена прочитала строку ещё раз.

Вчера она искала прогнозы. Не свои — вообще. Читала о стадиях, лечении, выживаемости, потом закрывала страницы, потому что цифры относились к группам людей, а ей хотелось невозможного: одной цифры для себя.

Теперь двенадцать месяцев стояли на корпоративном слайде как самая обыкновенная единица измерения.

Директор направления начал с итогов пилота. Потом говорил о бюджете, этапах, командах, регионах. Лена знала эту презентацию почти наизусть. На шестом слайде должна была вступить она.

— Елена?

Она подняла голову.

— Да.

Лена встала и подошла к экрану.

Первые две минуты всё работало. Голос был её, формулировки — тоже. Она объяснила логику модели, показала сценарии, отдельно отметила предложение Риты. Кто-то задал вопрос о сезонных пиках. Лена ответила.

Потом финансовый директор спросил:

— Если начинаем в октябре, когда вы ожидаете устойчивый эффект по всей сети?

Лена посмотрела на график.

— При базовом сценарии — к концу следующего года.

Фраза вышла спокойно.

К концу следующего года.

Она вдруг представила календарь не как сетку месяцев, а как помещение, в которое ей, возможно, не дадут войти. Мысль была нелепой. Никто не говорил ей, что она умрёт. Никто даже не подтвердил диагноз. Она это знала.

Знание не помогло.

— А при ускоренном? — спросили её.

Лена посмотрела на таблицу и не сразу нашла нужную строку.

Рита тихо сказала:

— Второй столбец.

— Да. Спасибо. При ускоренном — раньше, но там существенно выше стоимость ошибки на этапе масштабирования.

Она закончила презентацию без провала. Никто не вызвал скорую, не отобрал у неё ноутбук, не спросил, почему человек, который годами жил в таблицах, вдруг потерял второй столбец.

После обсуждения директор направления закрыл крышку ноутбука.

— Хорошо. Теперь про роли. Я предлагаю, чтобы проект вела Лена. Рита — заместитель по аналитическому контуру. Дальше соберём расширенную команду.

Вот оно.

Два месяца назад Лена мысленно репетировала эту минуту. Она даже знала, как ответит: коротко, без восторга, чтобы не выглядеть человеком, которому впервые доверили взрослую работу.

— Спасибо, — сказала она.

Рита рядом едва заметно выдохнула.

Директор уже собирался перейти к следующему вопросу, когда Лена услышала собственный голос:

— Подождите.

Все посмотрели на неё.

Она могла остановиться. Сказать, что хочет уточнить распределение ресурсов. Попросить пять минут после встречи. Сделать что угодно, что оставляло бы решение обратимым.

— Я не смогу вести проект.

В переговорной стало очень тихо.

— В каком смысле? — спросил директор.

— По личным обстоятельствам.

— Они временные?

Она взглянула на него.

— Я не знаю.

Это была самая точная фраза, которую она произнесла за ночь.

— Тебе нужен отпуск? Неделя? Две?

— Нет. Я не хочу, чтобы проект зависел от того, смогу ли я вернуться к нему в нужном объёме.

Рита повернула голову.

— Лен, мы можем пока ничего не менять. Я подхватываю запуск.

Предложение было разумным. Оно оставляло дверь открытой.

Лена почему-то испугалась именно двери.

Если оставить её открытой, придётся каждое утро проверять, можно ли всё ещё войти. Ждать звонка врача, новых исследований, следующих слов. Держать проект в подвешенном состоянии вместе с собой.

— Нет, — сказала она. — Если нужен человек, который поведёт его сейчас, пусть ведёт Рита.

— Лена, — начал директор.

— Она знает модель. И её сценарий по северному плечу лучше моего исходного.

Рита смотрела на неё уже без всякого выражения.

— Давайте не принимать это за тридцать секунд, — сказал директор. — После обеда зайдёшь ко мне.

— Хорошо.

Но Лена уже знала, что после обеда повторит то же самое.

В коридоре Рита догнала её у кофемашины.

— Что происходит?

— Ничего, о чём я сейчас могу говорить.

— Ты увольняешься?

— Нет.

— Тогда зачем ты это сделала?

Лена нажала кнопку американо. Машина загудела, задумалась и выдала сообщение «Добавьте зёрна».

— Очень вовремя, — сказала Лена.

Рита не улыбнулась.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Ты два месяца за этот проект дралась.

— Не дралась.

— Хорошо. Интеллигентно уничтожала конкурентов.

— Рита.

— Что? Ты сейчас отдаёшь мне проект, а я даже не понимаю, это подарок, ловушка или нервный срыв.

Лена резко повернулась.

— Не называй то, чего не понимаешь.

Рита отступила на полшага.

Лена сразу пожалела. Не потому, что фраза была особенно жестокой, а потому, что увидела: Рита действительно испугалась.

— Извини, — сказала она. — У меня медицинская история. Пока непонятная. Я не хочу обсуждать детали.

Лицо Риты изменилось.

— Поняла.

И это «поняла» Лене тоже не понравилось. В нём мгновенно исчезла коллега, которая спорила с ней о коэффициентах, и появилась женщина, готовая говорить тише.

— Не надо так на меня смотреть.

— Как?

— Никак. Забудь.

Рита помолчала.

— Я не буду забывать проект, если ты об этом.

Лена почти рассмеялась.

— Вот это уже лучше.

После обеда директор ещё раз предложил паузу. Лена отказалась. К четырём часам Риту добавили в несколько переписок как руководителя проекта. Ничего торжественного не произошло. Не было приказа с печатью, фанфар и церемонии передачи корпоративного меча. Просто в теме одного письма появилось: «Рита, решение за тобой».

Лена увидела эту строку и закрыла почту.

Клиника не звонила.

В 17:12 она позвонила сама. Ей сказали, что обращение в работе и с ней свяжутся.

— Завтра?

— К сожалению, не могу подтвердить.

— А записаться к врачу?

Ближайшее доступное время было через два дня.

Лена записалась.

Два дня.

Словосочетание оказалось почти смешным. Всю жизнь два дня были ничем: доставка, согласование, ответ на письмо, время, которое можно потерять между понедельником и средой и не заметить.

Теперь они заняли весь горизонт.

В 18:03 Кирилл написал: «Мы сегодня разговариваем?»

Лена посмотрела на сообщение. Их вчерашний разговор словно принадлежал другой неделе, хотя прошло меньше суток.

Она набрала: «Не сегодня».

Стерла.

Потом: «Можно я приеду позже?»

Тоже стёрла.

В календаре на завтра стояло «мама».

Лена закрыла ноутбук, надела пальто и спустилась на парковку.

Кириллу она написала из машины: «Мне нужно сначала к маме. Потом позвоню».

Он ответил почти сразу: «Что случилось?»

Лена завела двигатель.

Она не знала, что именно собирается сказать Тамаре. В пятницу мать просила приехать поговорить. В субботу Лена перенесла встречу на вторник. Сейчас был понедельник, и ждать до вторника вдруг оказалось совершенно бессмысленно.

Через сорок минут она уже звонила в знакомую дверь.

Тамара открыла не сразу. На ней были старые джинсы, домашняя кофта и строительные перчатки.

— Ты чего? — спросила она.

За её спиной в прихожей стояли картонные коробки.

Лена посмотрела на них.

— А ты чего?

Глава 6. Мамины коробки

— Я? — переспросила Тамара и посмотрела на себя, будто строительные перчатки требовали отдельного объяснения. — Шкаф разбираю. Заходи, чего в дверях стоишь.

Лена вошла. Коробки тянулись вдоль стены прихожей, на двух было написано толстым маркером «КУХНЯ», на одной — «КНИГИ», ещё на одной — «ЛЕНА». Последняя выглядела особенно подозрительно.

— Почему я в коробке?

— Пока только твои школьные грамоты, две куклы без конечностей и дневник за девятый класс. Но если будешь мешать, варианты есть.

Тамара стянула перчатки и пошла на кухню.

— Чай?

Лена смотрела в комнату. На месте кресла отца стояла пустота, светлее остального пола. Само кресло обнаружилось у стены, завернутое в старое покрывало.

— Мам, что происходит?

— Я же сказала: шкаф.

— Со всей квартирой?

Тамара остановилась.

— А. Ты про это.

Будто существовало ещё несколько правдоподобных причин сложить половину жизни в картон.

— Я квартиру продаю.

Лена не сразу поняла смысл предложения. Не потому, что оно было сложным. Просто мозг на секунду отказался принимать ещё одну новую информацию, как переполненная камера хранения.

— Как продаёшь?

— Обыкновенно. С риелтором. За деньги.

— Зачем?

— Потому что мне одной здесь сто метров не нужны.

— Тебе никогда не мешали сто метров.

— Раньше нас здесь было больше.

Тамара сказала это спокойно. Не посмотрела на кресло, не понизила голос. От этого упоминание отца прозвучало почти буднично, как факт о количестве комнат.

— И куда ты?

— В Тюмень.

Лена рассмеялась. Получилось слишком громко.

— Куда?

— Ты слышала.

— К тёте Свете?

— Не к Свете. Рядом. Я не собираюсь в шестьдесят два года подселиться к сестре на диван.

Тамара достала две кружки. Одну вернула в шкаф, взяла другую, снова вернула. Лена заметила, что даже мать, объявляя о переезде в другой город, всё равно выбирает чашку под чай.

— Подожди. Ты это сейчас решила?

— Нет.

— Когда?

— Весной начала думать. Летом съездила посмотрела районы. В августе нашла вариант.

— Сейчас сентябрь.

— Поздравляю.

— Ты несколько месяцев молчала?

— Я собиралась сказать.

— Когда? После сделки? Прислать новый адрес?

Тамара поставила чайник.

— В пятницу хотела. В субботу хотела. Ты была занята.

Лена почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее и очень удобное. Злость наконец давала возможность не думать о клинике.

— То есть это теперь моя вина?

— Я не сказала «вина».

— Но сказала так, чтобы я сама догадалась.

— Лен, ты приехала без предупреждения в понедельник вечером. Может, сначала снимешь пальто?

— Не хочу я снимать пальто.

— Тогда хотя бы не стой на проходе.

Лена прошла на кухню и села. Тамара поставила перед ней чай, потом достала из холодильника тот самый кусок яблочного пирога, завёрнутый в фольгу.

— Я его тебе оставила.

— Спасибо.

Есть Лена не могла.

Тамара села напротив.

— Что у тебя случилось?

Вот для этого Лена и приехала. Ещё сорок минут назад она думала, что войдёт сюда, увидит мать, знакомую кухню, банку с печеньем на холодильнике — и сможет сказать. Не всё, может быть. Хотя бы: мне страшно.

Теперь кухня тоже оказалась временной.

— Ничего.

Тамара подняла брови.

— Очень убедительно. Особенно в пальто.

— У меня просто тяжёлый день.

— На работе?

— Везде.

— С Кириллом?

— Мам.

— Хорошо. Не Кирилл.

Тамара отломил край пирога прямо вилкой.

— Ты поэтому переезжаешь? — спросила Лена.

— Поэтому — это почему?

— Потому что папы нет?

Мать положила вилку.

— Нет.

— А почему тогда именно сейчас?

— Потому что я хочу.

Она взглянула на неё.

— Это не ответ.

— Странно. Когда тебе было двадцать, это был единственный ответ, который ты признавала.

— Мне не двадцать.

— Мне тоже.

Слова прозвучали без нажима, но Лена почувствовала себя так, будто её отодвинули от двери, которую она считала общей.

— А работа?

— Я ухожу в конце года. Договорилась.

— Ты увольняешься?

— Я выхожу на пенсию. Не драматизируй, пожалуйста, государство готовилось к этому дольше нас обеих.

— И что ты будешь делать в Тюмени?

— Жить.

— Очень конкретный план.

— У меня есть конкретнее. Но я уже вижу, что презентацию надо было готовить.

Лена встала.

— Ты можешь хоть раз нормально объяснить?

— Я нормально объясняю. Мне надоела эта квартира. Мне тяжело её содержать. Света рядом. Я нашла район, который мне нравится. Там парк, бассейн, нормальная поликлиника. Я хочу пожить по-другому, пока мне ещё хочется что-то менять.

Последняя фраза попала туда, куда Тамара не целилась.

Лена резко отодвинула кружку.

— Пока ещё хочется? Прекрасно.

— Что?

— Ничего.

— Лена.

— Вы все сегодня решили срочно начать новую жизнь?

Тамара нахмурилась.

— Кто «все»?

— Кирилл уезжает в Казань. Ты в Тюмень. Рита получила мой проект. Отличная неделя. Может, Максим ещё сообщит, что эмигрировал.

— Подожди. Как Рита получила твой проект?

— Я отдала.

— Зачем?

— Потому что так надо.

— Кому?

— Мам, пожалуйста.

— Ты пришла ко мне вечером без звонка, сообщила, что отдала проект, на который пахала всё лето, и теперь сердишься, что я задаю вопросы.

— Я не сержусь, что ты задаёшь вопросы.

— Ты сердишься вообще на всё. Это экономит время.

Обычно Лена бы усмехнулась. Сейчас не смогла.

Тамара посмотрела на неё внимательнее.

— Ты больна?

Вопрос прозвучал так просто, что Лена почти ответила.

Она увидела на столе материнские руки. На одном пальце осталась светлая полоска от кольца, которое Тамара перестала носить через год после смерти мужа. Рядом лежал кусок пирога. За дверью стояли коробки. Вся эта жизнь продолжалась без разрешения Лены.

— Я обследуюсь, — сказала она.

Тамара замерла.

— Что обследуешь?

— Пока ничего не понятно.

— Тогда почему ты отдала работу?

— Потому что мне, возможно, будет не до неё.

— Возможно?

Лена услышала в этом слове сомнение и вспыхнула.

— Ты думаешь, я просто так это сделала?

— Я думаю, ты сейчас напугана.

— Не надо.

— Чего не надо?

— Вот этого тона.

— Какого?

— Как будто ты уже решила, что я всё преувеличиваю.

— Я ничего не решила. Ты сама говоришь, что ничего не понятно.

— В документе всё достаточно понятно.

Тамара побледнела.

Лена сразу пожалела, что сказала.

— Каком документе?

— Неважно. Мне нужно сначала поговорить с врачом.

— Покажи.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу.

Тамара откинулась на спинку стула.

— Хорошо.

Это «хорошо» было совсем не хорошим.

Лена взяла сумку.

— Я поеду.

— Куда?

— Домой.

— Ты только приехала.

— Зря приехала.

Тамара встала.

— Это уже лишнее.

— А что не лишнее? Тюмень? Продать квартиру и никому не сказать? Ты вообще подумала, что это единственное место, которое осталось после папы?

— После папы осталась не квартира.

— Конечно. Сейчас будет что-нибудь правильное.

Тамара посмотрела на неё так, что следующую фразу Лена услышала ещё до того, как мать произнесла:

— Не разговаривай со мной так.

Но Лена уже не могла остановиться.

— Ты всегда так. Всё, что неудобно, надо быстро упаковать. Папины вещи — убрать. Квартиру — продать. Переехать. Главное, чтобы всё было практично.

Тамара медленно сняла с подоконника очки и надела их, словно собиралась рассмотреть дочь точнее.

— Твой отец умер четыре года назад. Его вещи я разбирала два года. Кресло стоит в комнате до сих пор, потому что ты каждый раз говорила «пока не надо». Не рассказывай мне, пожалуйста, как быстро я его упаковала.

Лена молчала.

— И квартиру я не обязана хранить как музей, чтобы тебе было спокойнее приезжать сюда раз в месяц.

Это было больно именно потому, что было не совсем несправедливо.

— Я приезжаю чаще.

— Хорошо. Раз в три недели.

— Не в этом дело.

— А в чём?

Лена не знала.

В том, что утром её жизнь была рассчитана на двенадцать месяцев вперёд, а вечером она не знала, что будет через два дня? В том, что Кирилл мог уехать, мать могла уехать, Рита могла работать без неё, а медицинский документ мог оказаться настоящим? В том, что все эти люди почему-то продолжали принимать решения, пока она впервые в жизни хотела, чтобы никто ничего не трогал?

Она не сказала ничего из этого.

— Ты выбираешь удобство вместо людей, — сказала Лена.

Тамара долго смотрела на неё.

— Вот это ты зря.

Голос был тихим.

Лена поняла, что попала. Не в правду — в место, где больно.

— Мам...

— Езжай домой.

— Я не это хотела сказать.

— Я знаю. Но сказала.

Тамара отвернулась к раковине и начала складывать чашки. Одну поставила слишком резко, фарфор стукнул о металл.

Лена стояла в прихожей, уже в пальто, которое так и не сняла. Рядом была коробка с её именем.

Она присела и приподняла клапан. Сверху лежала школьная грамота за олимпиаду по математике, под ней — мягкая игрушка с вытертым ухом и стопка тетрадей.

— Не трогай сейчас, — сказала Тамара из кухни. — Потом разберёшь.

Лена закрыла коробку.

Слово «потом» вдруг перестало казаться удобным.

Глава 7. Человек на случай аварии

Максим ответил с четвёртого гудка.

— Если ты звонишь занять денег, у меня восемьсот рублей и бонусы в кофейне.

Лена сидела в машине во дворе матери. Двигатель был выключен, стекло уже начало запотевать.

— Ты где?

На том конце стало тише.

— А что?

— Можешь приехать?

— Куда?

Лена назвала улицу.

— Это же у твоей мамы.

— Уже нет.

— В смысле?

— Макс, просто можешь?

Он помолчал.

— Могу. Минут сорок.

— Хорошо.

— Лена.

— Что?

— Ты меня пугаешь.

— Извини.

— Вот теперь ещё сильнее.

Максим приехал через тридцать пять минут на грязной машине, из которой сначала выпал пакет из супермаркета, потом вылез он сам. На нём была куртка поверх домашней футболки и один ботинок явно был зашнурован хуже другого.

— Я был в магазине, — сказал он вместо приветствия. — Поэтому у меня с собой молоко, кошачий корм и две пачки макарон. Если кризис требует чего-то другого, надо было сообщить заранее.

— У тебя нет кошки.

— У меня есть соседка. Долго объяснять.

Он посмотрел на Лену и перестал улыбаться.

— Поехали отсюда.

— Куда?

— Не знаю. Ты же вызвала человека, а не маршрут.

Они оставили её машину во дворе и пошли пешком. Лена не спросила зачем. После нескольких часов, в которых каждое решение требовало объяснения, идти куда-то без цели оказалось неожиданно легко.

Максим учился с ней на одном курсе. В университете они дружили почти ежедневно: вместе сдавали статистику, ели дешёвую пиццу, спорили о преподавателях и однажды трое суток делали курсовую, потому что предыдущие три недели были заняты более важным — обсуждением того, как скоро они станут взрослыми и богатыми. Богатыми никто не стал. Взрослыми, судя по сегодняшнему вечеру, тоже были вопросы.

Теперь они виделись несколько раз в год. Иногда чаще. Обычно после фразы «надо обязательно встретиться», которая обладала удивительной способностью означать всё, кроме конкретной даты.

— Ты с Тамарой поругалась? — спросил Максим.

- Да.
- Сильно?
- Достаточно.
- Она тебя выгнала?
- Попросила уехать.
- То есть сильно.

Они дошли до круглосуточной пекарни. Максим купил два чая и слойку, хотя Лена сказала, что не хочет.

— Это мне, — объяснил он. — Я эмоционально поддерживаю людей только при стабильном сахаре.

Они сели на лавку под навесом. По улице шёл мелкий дождь, почти невидимый в темноте, но асфальт уже блестел.

- Максим откусил слойку.
- Рассказывай.
- Лена обхватила стакан ладонями.
- Мама продаёт квартиру.
- Ого.
- И переезжает в Тюмень.
- Ещё ого.
- Кирилл может уехать в Казань.

Максим перестал жевать.

- Так. А ты?
- Что я?
- У тебя какой город? Чтобы я понимал географию катастрофы.
- Я остаюсь здесь.
- Уже хорошая новость для Екатеринбурга.

Она взглянула на него.

— Не шути.

Максим положил слойку обратно в пакет.

— Хорошо.

И стало ясно, что без шуток им обоим гораздо труднее.

Лена сделала глоток. Чай был слишком сладким.

- Я сегодня отдала проект.
- Какой?

Она подняла глаза.

- Тот самый.
- А. Тот, из-за которого ты летом не приехала ко мне на день рождения.
- Я была в командировке.
- Ты вернулась утром в субботу.
- И спала четыре часа.

— Я не предъявляю. Просто уточняю масштаб проекта.

Лена поставила стакан на лавку.

- Я не могла его взять.
- Почему?

Она посмотрела на дорогу. Мимо проехал автобус, в освещённом салоне сидели три человека. Один мужчина держал перед собой букет, завёрнутый в бумагу.

— У меня нашли кое-что.

Максим не шевельнулся.

— Что?

— Я не знаю.

— Ты только что сказала «нашли».

— Есть медицинский документ. Результат исследования. Там написано...

Слово не вышло.

Лена рассердилась на собственный рот. На экране она прочитала его десятки раз. Оно было обычным набором букв.

— Карцинома, — сказала она наконец. — Инвазивная.

Максим медленно выдохнул.

— Это точно твоё?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Лена повернулась к нему.

— Оно в моём кабинете.

— Я не про кабинет. Врач сказал?

— Я жду подтверждения.

— Тогда ты пока не знаешь.

— Не говори мне это.

— Что именно?

— «Ты пока не знаешь». Я знаю, что я не знаю. Я последние сутки только это и знаю.

Максим кивнул.

— Хорошо.

— И не говори, что всё будет хорошо.

— Я не собирался.

— Спасибо.

— Я вообще плохо подхожу для стандартного пакета поддержки.

Лена опустила голову. Через секунду поняла, что смеётся. Смех быстро закончился.

— Мне страшно, Макс.

— Вижу.

— Нет. Не видишь.

Он посмотрел на неё.

— Возможно.

Это было лучше любых заверений.

Они сидели молча. Максим допил чай, смял стакан и промахнулся мимо урны. Поднял его, выбросил со второй попытки.

— Тебе сегодня нельзя одной, — сказал он.

— Можно.

— Ладно. Тебе сегодня не обязательно одной.

Лена провела пальцем по краю стакана.

— Я не хочу домой.

— Можешь ко мне. Только предупреждаю: у меня разобран диван, потому что я третий месяц выбираю новый. Есть матрас и очень самоуверенный робот-пылесос.

— Я к Кириллу поеду.

— Он знает?

— Нет.

— Тогда, наверное, пора.

Лена резко посмотрела на него.

— Не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— Ты сейчас скажешь, что близким надо говорить.

— Нет. Я хотел сказать, что если ты собираешься к нему ехать, лучше сначала узнать, дома ли он.

Лена закрыла лицо ладонями.

— Господи.

— Практический человек рядом иногда полезнее духовного.

Она достала телефон, но не разблокировала.

— Макс.

— М-м?

— Если это правда...

Он ждал.

— Я не знаю, что делать.

— А надо сегодня знать?

Лена подняла на него глаза.

— Я отказалась от проекта.

— Это я уже понял.

— Мама уезжает. Кирилл уезжает. Я со всеми поссорилась.

— Со мной пока нет.

— Вечер не закончен.

Максим улыбнулся, но потом снова стал серьёзным.

— Лен, я сейчас могу отвезти тебя куда скажешь. Могу посидеть. Могу молчать. Но если ты хочешь, чтобы я объяснил, как правильно прожить следующие сутки, у меня нет инструкции.

— Я не хочу инструкции.

— Отлично. Потому что у меня максимум гарантийный талон от чайника.

Лена кивнула.

Максим посмотрел на часы.

— Мне через час надо домой.

Она удивилась.

— Сейчас?

— Да.

— Почему?

— Потому что завтра я встаю в шесть.

— Я думала, ты...

Она не договорила.

— Что?

— Ничего.

— Нет, скажи.

— Я думала, ты побудешь.

Максим потёр подбородок.

— Я побыл.

— Понятно.

— Нет, тебе как раз непонятно.

Лена почувствовала знакомую готовность защищаться.

— Тогда объясни.

— Я приехал через весь город, потому что ты сказала «можешь приехать». Я рад, что позвонила. Правда. Но у меня завтра своя жизнь.

— Я не просила её отменять.

— Ты сейчас именно на это обиделась.

— Я не обиделась.

Максим посмотрел на неё с выражением, которое когда-то появлялось у него на экзаменах, когда преподаватель особенно уверенно говорил ерунду.

— Хорошо.

— Не «хорошо».

— Видишь? Уже поссорились. Я же говорил, вечер продуктивный.

Лена отвернулась.

Максим помолчал.

— Я тебе одну неприятную вещь скажу.

— Сегодня очередь.

— Ты иногда появляешься у меня только когда у тебя пожар.

Лена повернулась.

— Это неправда.

— Правда.

— Мы виделись весной.

— В апреле.

— Сейчас сентябрь.

— Именно.

— Ты тоже мне не звонишь каждый день.

— Не звоню. Но я звал тебя в июне на дачу. В июле — на день рождения. В августе писал про концерт. Ты каждый раз была занята.

— У меня была работа.

— У меня тоже.

Он говорил спокойно, и от этого возразить было труднее.

— Я не веду счёт, Лен. Я не собирался сегодня предъявлять тебе табель посещаемости. Просто ты позвонила — и я приехал. А теперь ты злишься, что я не могу исчезнуть из своей жизни на неопределённое время.

Лена смотрела на мокрый асфальт.

— Извини.

— Не надо извиняться так, будто подписываешь акт.

— А как надо?

— Не знаю. Можно просто не пропадать потом на пять месяцев.

Слово прозвучало случайно. Максим сам, кажется, понял это и поморщился.

Лена опустила глаза.

— Извини.

На этот раз иначе.

— Вот. Уже похоже на человека.

Она толкнула его плечом.

— Иди к чёрту.

— Совсем хорошо.

Они вернулись к машине. Максим молча переложил пакет с кошачьим кормом на заднее сиденье и открыл Лене пассажирскую дверь.

— Твоя машина останется здесь?

— Заберу завтра.

— Тамара не эвакуирует?

— Если после сегодняшнего — может вместе с квартирой продать.

Максим завёл двигатель.

— Кириллу напиши.

Лена достала телефон.

На этот раз она не составляла сообщение заранее.

«Ты дома?»

Ответ пришёл, когда они выезжали со двора.

«Да».

Лена убрала телефон.

— К нему? — спросил Максим.

— К нему.

Он включил поворотник.

Через пару кварталов Лена сказала:

— Макс.

— Да?

— Если завтра я не позвоню, это не значит, что всё нормально.

— Я знаю.

— Но я позвоню.

Максим кивнул и прибавил обдув на лобовое стекло.

Глава 8. Не ваше

Максим высадил Лену у дома Кирилла и не стал ждать, пока она войдёт в подъезд.

— Напишешь, — сказал он.

Это прозвучало не вопросом и не просьбой. Лена кивнула, захлопнула дверь и несколько секунд смотрела вслед его машине. Потом поднялась.

Кирилл открыл почти сразу. Он был в джинсах и свитере, будто не собирался спать и вообще подготовился к неизвестному формату вечера лучше неё.

— Привет.

— Привет.

Он отступил, пропуская её.

В прихожей Лена вдруг поняла, что не знает, куда деть руки. Обычно здесь всё происходило автоматически: сумка на тумбу, пальто на крючок, обувь к стене. Сейчас любое привычное движение казалось заявлением о том, что она собирается остаться.

— Чай? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Вода?

— Да.

Он ушёл на кухню. Лена всё-таки сняла пальто.

Кирилл поставил стакан перед ней и сел не напротив, а сбоку. Так они обычно садились, когда вместе смотрели что-нибудь на ноутбуке.

— Что случилось?

Лена достала телефон.

— Мне пришёл результат обследования.

— Того, которое было в субботу?

— Да.

Она открыла сохранённый файл и протянула ему телефон.

Кирилл не взял.

— Скажи сама.

Лена положила телефон экраном вниз.

— Там написано про карциному.

Кирилл замер.

— Рак?

— Видимо.

— Что значит «видимо»?

— То и значит. Я не могу добиться нормального ответа. Клиника проверяет обращение.

Врач будет через два дня.

— Подожди. Тебе никто не сказал диагноз?

— Нет.

— Но есть заключение.

— Да.

Кирилл провёл ладонью по лицу и встал.

— Почему ты не позвонила вчера?

— Я звонила.

— Ты написала, что случайно.

— Я не смогла.

Он прошёл к окну, вернулся.

— А сегодня?

— Сегодня я отдала проект.

Кирилл остановился.

— Какой проект?

— Мой. Который должен был вести я.

— Из-за этого?

— Да.

— Лена...

— Не надо.

— Я ничего ещё не сказал.

— Я знаю это лицо.

— Какое лицо?

— Когда ты считаешь, что я сделала что-то безумное.

— Я сейчас считаю, что ты получила документ со словом «рак», сутки никому не сказала и пошла на работу.

— Максиму сказала.

Кирилл посмотрел на неё.

— Максиму?

— Сегодня.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Да, Лена. Мне сейчас очень многое непонятно.

Он сел обратно, но дальше.

— Я не знала, как сказать.

— Можно было словами.

— Спасибо.

— Извини.

Она взяла стакан, сделала глоток и поставила обратно. Вода была комнатной температуры. Кирилл всегда наливал воду не из холодильника, потому что считал холодную бессмысленным испытанием горла. Лена вдруг вспомнила это с такой ясностью, будто получила важную информацию.

— Я испугалась, — сказала она.

Кирилл молчал.

— Очень.

— Я понял.

— Нет. Я вчера смотрела на твоё сообщение и не могла ответить. Потом сегодня на встрече они говорили про конец следующего года, и я...

Она замолчала.

— Что?

— Я не знаю, будет ли у меня этот конец следующего года.

Кирилл резко вдохнул.

— Тебе кто-то сказал это?

— Нет.

— Тогда не говори так.

— Почему?

— Потому что ты сама сказала: ты не знаешь.

— Я знаю.

— Нет. Сейчас ты делаешь из худшего варианта единственный.

— А ты хочешь, чтобы я что? Спокойно дождалась среды?

— Я хочу, чтобы ты не хоронила себя раньше врача.

Фраза ударила сильнее, чем он, вероятно, рассчитывал.

Лена встала.

— Отлично. Поэтому я и не хотела говорить.

— Сядь.

— Я сама разберусь.

— Тогда стой. Только не уходи сейчас из-за одной моей плохой фразы.

Она осталась.

Кирилл тоже поднялся.

— Я не знаю, что тебе сказать. Правда. Я могу поехать с тобой к врачу. Могу завтра обзвонить клинику. Могу быть рядом. Но я не могу сделать вид, что уже знаю, что с тобой происходит.

Лена прислонилась к кухонной стойке.

— А Казань?

Он закрыл глаза на секунду.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Почему?

— Потому что если это правда, я не хочу, чтобы ты уезжал.

Кирилл смотрел на неё долго.

— Ты в пятницу не знала, хочешь ли жить со мной. В воскресенье просила до понедельника. Сейчас ты хочешь, чтобы я отказался от Казани.

— Я сказала не так.

— А как?

Лена не нашла другой формулировки.

— Я боюсь остаться одна.

Кирилл опустил взгляд.

— Это я понимаю.

— И?

— И это не ответ на наш старый вопрос.

Лена почувствовала злость, но за ней почти сразу пришло что-то другое — унижение от того, насколько он прав именно сейчас, когда ей меньше всего хотелось его правоты.

— Ты мог бы просто сказать, что останешься.

— Мог бы.

— Но не скажешь.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что если завтра выяснится, что документ ошибочный, мы останемся с решением, которое приняли сегодня от страха.

Лена отвернулась.

— А если не ошибочный?

— Тогда будем решать с тем, что узнаем.

— «Будем»?

Кирилл посмотрел на неё.

— Я не собираюсь исчезать.

Это было меньше, чем обещание остаться. И больше, чем она ожидала после их разговора.

Лена села обратно.

Через некоторое время Кирилл поставил чайник. Она не просила. Он сделал бутерброды, один оставил на тарелке перед ней. Лена съела половину и только тогда поняла, что с утра почти ничего не ела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.